

Людмила ФЕДОРОВА

«ЭТА УЛИЦА ТОЖЕ ВЕДЬ НАША»: «СВОЕ»
И «ЧУЖОЕ» В АМЕРИКАНСКИХ
ТРАВЕЛОГАХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация: Статья посвящена тому, как в сознании советских писателей, путешествовавших в США в 20–30-е гг. XX в. сочетаются Россия и Америка, и какой комплекс представлений ассоциируется с каждой из этих стран. Рассматриваются, с одной стороны, определение чужого через свое как инструмент описания незнакомой реальности, и с другой — мотивы узнавания своего в США и метафорического присвоения увиденного в травелогах советских писателей 1920–1930-х гг., а также явления, которые путешественники в Америку отчетливо воспринимают как чужие.

Ключевые слова: американский текст, травелог, свое и чужое, Есенин, Маяковский, Ильф и Петров, Пильняк.

© 2017 Людмила Григорьевна Федорова (к.ф.н., ассоциированный профессор, Джорджтаунский университет, Вашингтон, США)

Lioudmila FEDOROVA

“THIS STREET IS ALSO OURS”: FAMILIAR AND
ALIEN IN RUSSIAN AUTHORS’ AMERICAN
TRAVELOGUES

Abstract: The article studies Soviet writers’ complex attitude to the USA reflected in their American travelogues of the 1920–1930s, as well as the peculiar superimposition of both countries in their texts. It analyzes how the familiar realities serve as an instrument for describing foreign phenomena, as well as the motifs of paradoxical recognition and metaphorical appropriation of one’s own in a foreign country, contrasted with the motifs of distinctively alien phenomena.

Key words: American text, travelogue, svoe/chuzhoe, Esenin, Mayakovsky, Ilf, Petrov, Pilniak.

© 2017 Lioudmila Fedorova (Ph.D., Associate Professor, Georgetown University, Washington, DC, USA)

Описывая Бродвей в своем эссе «Железный Миргород» (1923), Сергей Есенин замечает: «Эта улица тоже ведь наша»¹. А Владимир Маяковский в результате посещения Америки пишет знаменитое «я, /поэт, /и то американистей /самого что ни на есть /американца»². Почему самая американская улица Нью-Йорка оказывается «нашей», как в сознании русских писателей сочетаются Россия и Америка, какой комплекс представлений ассоциируется с каждой из этих стран?

Сложное соотношение российского и американского в разные исторические периоды отчасти отражается в спектре значений, которые содержатся в определениях «русский американец» и «американский русский». После экспедиций Беринга и Чирикова русские назвали свои поселения в Северной Америке «Русская Америка». В 1799 г. Павел I издал указ об основании Русско-Американской компании, которая была призвана обеспечивать русское присутствие на Алеутских островах и в Северной Америке. Через тринадцать лет в качестве форпоста российской торговли в Калифорнии был основан Форт-Росс. В 1867 г. Русско-Американская компания была ликвидирована, но русские поселения, включая различные секты и утопические сообщества, по-прежнему представляли собой Россию внутри Америки. Кроме того, «русский американец» было обычным названием эмигрантов из России, до Октябрьской революции бежавших от авторитарного царского режима, после 1917 — от нового советского. Роман Бориса Тагеева 1926 г., рассказывающий историю одной из таких эмигрантских семей, так и называется — «Русский американец».

С ростом индустриализации в России и стремлением обогнать и перегнать Америку, выучиться на ее опыте и американизировать процесс производства выражение «русский американец» стало новым медиа-клише советской прессы, одобрительным названием для самых эффективных и дисциплинированных рабочих и инженеров³. Этот стереотип приобрел такую популярность, что сатирические журналы сочли необходимым высмеивать чрезмерное почтение к Америке и снижать этот образ: например, в очерке «Крокодила» «Американизация губошлепов» (1923) директора за-

¹ Есенин С.А. Железный Миргород // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 5. Проза. 1997. С. 168.

² Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 7. Стихотворения второй половины 1925 года — 1926 года и очерки об Америке. 1957. С. 79.

³ См., например, Brooks, Jeffrey. “The Press and its Message. Images of America in the 1920s and 1930s.” *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*, eds. Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinowitch, Richard Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1991: 231–252.

водов внедряют американские методы, заимствуя капиталистический стиль жизни — американские ботинки, черного шофера, кофе со сгущенкой, а вместо устройства вентиляции на заводе приглашают джаз-банд, — в результате чего их быстро арестовывает Революционный трибунал⁴.

В этой статье я остановлюсь на представлении об американском русском как узнавании «своего» в США и метафорическом присвоении увиденного в травелогах советских писателей 1920-х — 1930-х гг. Путешествия в Америку известных русских писателей, которые потом писали тексты об этих поездках, — важный литературно-исторический феномен конца XIX и, в особенности, начала XX века, который неоднократно привлекал внимание исследователей⁵. Короленко ездил в США в 1893 г., Горький в 1905 г.; Есенин и Маяковский в 1920-х гг. (Есенин в 1923 г., Маяковский в 1925 г). Пильняк и Ильф и Петров в 1931 и в 1935, соответственно. Миссия писателей состояла обычно из двух частей: собственно, само путешествие, которое они, как правило, считали идеологически важным. Они встречались с американскими общественными деятелями, выступали перед публикой, формировали общественное мнение по поводу России и ее политики. Вторая часть миссии заключалась в создании текстов о США, которые сформировали американский текст русской литературы. В своей книге «Янки в Петрограде, Большевики в Нью-Йорке: Америка и американцы в русской литературе» я подробно рассматриваю основные черты этого текста и его сквозные мотивы, которых лишь кратко касаюсь в этой статье.

Жанр американского травелога формируется в последние десятилетия девятнадцатого века: это автобиографическое повествование, которое сочетает черты художественной и документальной литературы и объединено рядом сквозных мотивов, которые передаются от одного писателя другому. После Октябрьской революции такой нарратив становится самой влиятельной разно-

⁴ Американизация губошлепов // Крокодил. 1923. 21 января. № 3, С. 539.

⁵ См., например: Rogle, Charles. *Three Russians Consider America: America in the Works of Maxim Gor'kij, Alexandr Blok, and Vladimir Majakovskij*. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1976; Ball, Alan M. *Imagining America. Influence and Images in Twentieth-Century Russia*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003; Эткунд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Fedorova M. *Yankees in Petrograd, Bolsheviks in New York: America and Americans in Russian Literary Perception*. DeKalb: NIU Press, 2013. На категориях своего и чужого в русских текстах об Америке XIX в. останавливалась А.А. Арустамова в монографии: Русско-американский диалог XIX века: историко-литературный аспект. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008.

видностью «американского текста»⁶. Для этого текста характерна особая чувствительность к тому, что в другой стране воспринимается как отчетливо чужое, а также к тому, что неожиданно узнается — и кажется своим. Не все, наблюдаемое писателями-путешественниками в Америке, воспринимается ими как характерно-американское. Но еще более парадоксально, что те черты, которые они изначально считают американскими, вообще не всегда можно обнаружить в Америке.

Симптоматично, что именно до и после революции Америка, а не Старый свет стала важным центром притяжения для путешественников, которые сыграли ключевую роль в конструировании идентичности нового Советского государства — Троцкого, Горького, Маяковского. Отправляясь в Америку, Маяковский и Есенин чувствовали себя Колумбами (Травелог Маяковского так и называется — «Мое открытие Америки»), при том, что «Новейшим Светом», «Новой Америкой»⁷ в то время был тот послереволюционный мир, из которого они плыли в уже несколько устаревший Новый Свет. Этот послереволюционный мир требовал глобального пересмотра символической и политической географии и переопределения собственного места. Новая страна формировала свою идентичность, с одной стороны, в поиске того, что она хотела бы позаимствовать, а с другой стороны, — от противного, описав то, чем она точно не является, чему она противоположна.

США в XX веке является для России главным объектом и ассимиляции и диссимиляции, о чем писал А. Эткинд в книге «Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах». С одной стороны, у этих стран достаточно сходного, чтобы вообще их сравнивать: это их относительно недавнее быстрое развитие, противоположность их Европе (при том, что этнически основная часть населения — европейцы), огромные размеры, претензия на исключительную судьбу, рабство, сохранявшееся до второй половины XIX века, и его почти одновременная отмена; сопоставимый масштаб научно-технической революции в одной — и социальной революции в другой. С другой стороны, Америка, в которой, по словам Пильняка, в самом чистом виде представлен капитализм, «подобно бульону чумы в бактериологическом институте», конечно, противоположна социалистической стране, так что путешествие в Америку включает не только

⁶ При этом травелогами американский текст русской литературы, конечно, не исчерпывается: к нему относятся и художественные произведения, такие как «Месс-Менд» Мариэтты Шагинян, и произведения авторов-эмигрантов.

⁷ См., напр., стихотворение Блока «Новая Америка» (1913).

географическое и временное измерение, но также и этическое: это спуск в проклятую страну рационализма, материализма и эгоизма — другими словами, капитализма. В этом смысле советские травелоги напоминают средневековые русские путешествия в страну грешников⁸. При этом советскому писателю необходимо предпринять это путешествие, чтобы заново оценить достоинства родной страны, подобно тому, как спуск в Ад подготовил Данте к величию Рая.

Таким образом, Америка оказывается как бы негативным от-тиском проекта, который собирался осуществить СССР, проекта, где ожидалось увидеть эффективность, удобство повседневной жизни, научно-технический прогресс, социальные лифты, воплощенные в американской мечте, но действительно доступные для всех, общество без эксплуатации, без превращения человека в автомат, без разобщенности людей и их поглощенности материальным. Поэтому путешествие в Америку в этот период именно для России, — это поиск себя в большей степени, чем исследование Другого. Америка для советских путешественников становится главным образом пространством проекций.

В американских текстах русских путешественников необходимо различать 1) в плане выражения: определение чужого через свое как инструмент описания реальности;

2) в плане содержания: а) мотив обнаружения своих реалий — предметов, явлений, людей; б) отсутствие того, что должно бы быть американским.

Остановимся сначала на определении своего через чужое. В «Железном Миргороде» Есенин прославляет урбанистические пейзажи. При этом, описывая их, он использует образы той самой деревенской реальности, которую критикует, когда говорит о России. Например, изображая Нью-Йорк ночью, он упоминает «копны и стога огней», кружившиеся над зданиями⁹. У Маяковского в поэме «150 000 000», написанной еще до путешествия в Америку, на Вудро Вилсоне «цилиндрище [...] /возвышается башней Сухаревой»¹⁰; а в «Моем открытии Америки» Миссисипи — это «американская Волга»¹¹.

⁸ Ср.: «География [в русских средневековых текстах. — Л.Ф.] выступает как разновидность этического знания. Всякое перемещение в географическом пространстве становится отмеченным в религиозно-нравственном отношении». *Лотман Ю.М. Символические пространства // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — Текст — Семиосфера — История. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 240.*

⁹ *Есенин С.А. Железный Миргород. С. 164.*

¹⁰ *Маяковский В.В. 150 000 000. Т. 2. Стихотворения, поэма и пьесы 1917–1921. 1956. С. 134*

¹¹ *Маяковский В.В. Мое открытие Америки. Т. 7. С. 297.*

Подобных примеров можно привести множество. При определении новых, чужих реалий через знакомые создается одновременно эффект остранения и неостранения: остранения — поскольку назначение вещей и действия людей непонятны; неостранения — поскольку как инструменты описания использованы все-таки знакомые реалии, и иностранное становится частью знакомого мира¹².

Так, читаем у Ильфа и Петрова в «Одноэтажной Америке»: «Слева от входа находилась касса. Справа — металлическая тумбочка с небольшим поперечным разрезом, как у копилки. Из разреза торчал кончик синего картонного билетика. Все входящие дергали за такой кончик. Дернули и мы. Раздался мелодичный удар колокола. В руках оказался билет, а из разреза копилки выскочил новый синий кончик»¹³. Современный читатель, хоть и не без труда понимает, что это кафе, в котором надо отрывать талон с номером, прежде чем встать в очередь.

Но самое удивительное происходит в плане содержания, когда советские путешественники обнаруживают в Америке нечто, что, как им кажется, по своей сути русское, советское, даже если этого в России еще нет. В первую очередь, в 1920-е годы это касается американской техники, научно-технического прогресса, который и Есенин, и Маяковский опознают как советский по своей природе. Маяковский горд «стальной милей» Бруклинского моста, потому что узнает в ней «вставшие живьем» собственные футуристические и советские видения¹⁴. «Эта улица тоже ведь наша», — пишет Есенин о Бродвее, потому что по праву эта улица должна была появиться именно в России, где для прогресса есть социальные основания. Нью-Йорк, по словам Маяковского, «это гигант, случайно созданный детьми, а не зрелое, законченное произведение людей, понимавших, что они хотят, творивших по плану, как художники»¹⁵. Смысл для него имеет лишь «спланированное и

¹² Понятие «неостранение» как описание ненормального, страшного, чужого как обыкновенного и привычного было разработано Ольгой Меерсон в ее книге «Свободная вещь»: Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Oakland: Berkley Slavic Specialties, 1997. Я использую это понятие в узком смысле для обозначения эффекта описания чужих реалий через знакомые.

¹³ Ильф И.А., Петров Е.П. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / Сост., вступ. ст. Ильф А.И. М.: Текст, 2007. С. 38–39.

¹⁴ Маяковский В.В. Бруклинский мост. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 85.

¹⁵ Беседа с Маяковским американского писателя Майкла Голда, напечатанная 9 августа 1925 в газете «New York World». Катаян В.А. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М.: Советский писатель, 1985. С. 306. А. Эткин, анализируя противоречивость этого текста, пишет: «...если Нью-Йорк создан неорганизованно, не по плану, в условиях демократии — не значит ли это, что только так он и мог быть создан?» (Эткин А.А. Толкование путешествий. С. 154).

осознанное» усилие, соответствие технического прогресса социальному. В стихотворении «Кемп “Нит Гедайге”» Маяковский указывает, что Бруклинский мост — не более чем несовершенное отражение идеального моста к коммунизму, который будет построен в стране Советов: «Нами /через пропасть /прямо к коммунизму /перекинут мост, /длиною — /во сто лет»¹⁶.

Здесь особенно интересен временной аспект этого узнаваемого «своего»: Америка в 1920-е оказывается сложной проекцией России, сочетающей черты российского прошлого и будущего. То, что писатели опознают как свое в Америке настоящего, часто относится к прошлому России; они охотно отмечают провинциальность, отсталость американской социальной жизни, уподобляя ее дореволюционной России. «Совсем /дооктябрьский /Елец аль Конотоп», заключает Маяковский, показывая небоскреб изнутри как срез социальной жизни¹⁷. Но чаще всего свое — это то, чего в России пока нет, но обязательно будет — материальные свидетельства достижений науки и техники. При том, что российским рабочим еще только предстоит выстроить нечто превосходящее Бруклинский мост, поездка в Америку оказывается для советского писателя одновременно путешествием и в прошлое — и в будущее. «Я стремился /за 7000 верст вперед, /а приехал /на 7 лет назад», пишет Маяковский¹⁸.

В своих травелогах русские писатели обычно представляют Америку как закрытое, изолированное пространство. Множественные временные парадоксы создают впечатление, что она находится вне времени. Если в девятнадцатом веке в русской литературе преобладала концепция юной Америки, к концу века она замещается более сложной парадигмой, совмещающей инфантилизм с сенильностью. В советских травелогах Америка рисуется одновременно ультра-современной и древней.

В этом плане характерно само название очерка Есенина — «Железный Миргород». Весь его текст последовательно построен как изображение ростков российской жизни, пробивающихся сквозь Америку, которую он наблюдает. Его восхищение американской техникой вызывает одновременно сожаление о русской отсталости, и при этом похвалу коммунистическому строительству. Чем дальше автор продвигается в глубины Америки, чем более провинциальной она становится, тем более русской она ему кажется: «...перед глазами бегут равнины с жиденькими лесами и (увы, страшно похоже на Россию!) маленькие деревянные селения

¹⁶ Маяковский В.В. Кемп “Нит Гедайге”. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 89.

¹⁷ Маяковский В.В. Небоскреб в разрезе. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 66.

¹⁸ Там же. С. 69.

негров»¹⁹. Далее Есенин замечает, что американские полисмены одеваются как русские городовые, объясняя это историческими причинами: «Этот курьез объясняется, вероятно, тем, что мануфактурная промышленность сосредоточилась главным образом в руках эмигрантов из России»²⁰. Потом он указывает, что значительная часть нью-йоркцев — эмигранты из России, что заставляет большинство американских городов выглядеть, как «нечто одесское». Таким образом, очерк Есенина демонстрирует неожиданное развитие мысли: автор начинает с критики русской отсталости и заканчивает утверждением, что в своем сердце Америка во многом похожа на Россию и что многие американцы, по крайней мере, нью-йоркцы, и приехали из России.

Для Есенина и Маяковского присвоение определенных аспектов Америки служит множественным идеологическим задачам. Есенин, который восхищается величием Бродвея, пишет: «Еще сравнительно не так давно Бродвей походил на наш старый Невский»²¹. Таким образом, устанавливая параллель между двумя странами, русские писатели видели в успехе Америки доказательство возможности еще большего прогресса в России. Вместе с тем, сравнения с русской отсталостью компрометируют Америку. Например, Маяковский обнаруживает, что нью-йоркские улицы так же грязны, как улицы российской провинции. Это сравнение критикует не только американские, но, косвенно, и русские реалии, которые надо было трансформировать в процессе социалистического строительства, и предоставляет план такого преобразования.

Взаимные проекции России и Америки у Есенина и Маяковского интересны в контексте колониального дискурса. В зависимости от своих актуальных риторических задач, советские путешественники совмещают две перспективы — колонизаторов и дикарей. Разглядывая Бруклинский мост, Маяковский восклицает: «Смотрю, /как в поезд глядит эскимос»²², что Эткин интерпретирует как «идентификацию с колонизированным сознанием»: здесь мы видим взгляд дикаря на чудо науки²³. Это справедливо, но это сравнение у Маяковского является частью сложной, внутренне противоречивой системы образов. В стихотворениях «Кемп “Нит Гедайге”» и «Бродвей» Маяковский трансформирует восхищение

¹⁹ Есенин С.А. Железный Миргород. С. 169. На афро-американцев, как и на индейцев, Есенин проецирует русское крестьянство, описывая Америку. Об этом подробно см. в разделе “The Racial Other” моей книги «Yankees in Petrograd...»: 147–161.

²⁰ Есенин С.А. Железный Миргород. С. 171.

²¹ Там же. С. 168.

²² Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 87.

²³ Эткин А.М. Толкование путешествий. С. 153.

дикаря в снисходительное презрение представителей более передовой расы. С высот «моста к коммунизму» реальный Бруклинский мост кажется старомодным артефактом. Советское превосходство накладывается здесь на европейскую традицию описания американцев как технологически продвинутых дикарей, которая также сохраняется в советских травелогах. Эта ранняя традиция особенно очевидна у Есенина, который одновременно жалеет Россию за отсутствие индустриальной культуры и критикует Америку как молодую и потому примитивную нацию. Эта картина еще более усложняется тем, что Есенин оправдывает необходимую жестокость американского культурного развития, включая уничтожение «дикарей»-индейцев. Таким образом, он оправдывает и неизбежную безжалостность советской индустриализации, которая будет совершаться за счет крестьян, с которыми себя он также ассоциирует, вздыхая при этом: «Бедный русский Гайавата».

Изображение Генри Форда — один из ярких примеров присвоения чужого, связанного с научно-техническим прогрессом, в американских травелогах. Перед путешественниками стояла непростая риторическая задача. Форда необходимо было сделать своим, чтобы обосновать заимствование его методов: в 1920-е он стал необыкновенно популярной фигурой в России, множество рабочих и инженеров ездили учиться на фордовские заводы, его биография была опубликована в серии ЖЗЛ, а автобиография переиздавалась девять раз в 1920-е и 1930-е гг.²⁴

Самая характерная черта в советском портрете знаменитого американского промышленника — двойственность его облика: с одной стороны, он идеалист, мечтатель, друг людей, с другой стороны — бизнесмен, закрытый и слегка циничный. В травелогах было принято исследовать социальные корни Форда: самоучка из низших классов, хотя бы по социальному происхождению, он не был чужим для советских людей. Ильф и Петров «одомашнивают» его, сравнивая с русским крестьянином-самоучкой, Кулибиным. Пильняк видит сходство между Фордом и русским хозяином фабрики, старообрядцем, которого помнит с детства — и постоянно называет его «Арсентий Иванович Форд» по имени этого

²⁴ Об адаптации фордовских принципов на советских фабриках см.: *Шпотов Б.М.* Болезни роста или «синдром кнопки»: как приживались в СССР американские промышленные технологии в годы первой пятилетки // Русское открытие Америки: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Н.Н. Болховитинова. Ред. А.О. Чубарьян и др. М.: РОССПЭН, 2002. С. 319–327. См. также *Шведов С.* Образ Генри Форда в советской публицистике 1920–1930-х годов: восприятие и трансформация ценностей чужой культуры // Взаимодействие культур СССР и США XVIII–XX вв. Ред. О.Е. Туганова. М.: Наука, 1987. С. 133–143.

фабриканта. Здесь мы снова видим, что все русские модели, которые делают Форда узнаваемым, — провинциальные и устаревшие. Ильф и Петров даже замечают, что Форд сам не может угнаться за своими изобретениями, так как он просто «механик», а Форд Пильняка — феодал-тиран, самодур. Это еще один пример анахронизма в американском тексте: Форда, заводы которого должны стать моделью для будущих советских, узнают как своего, но основание для этого присвоения коренится в русском прошлом.

В описании советскими путешественниками встреченных людей граница между своим и чужим лежит не между русским и американским, но, что вполне ожидаемо, между социалистическим и капиталистическим. Российским писателям таким образом удается избежать ксенофобии и чрезмерной экзотизации Америки: американские рабочие, лидеры коммунистической партии, члены рабочих союзов — родные и узнаваемые. Наблюдение Ю.К. Щеглова над различием своего и чужого в саге об Остапе Бендере можно в полной мере отнести к американским текстам: «критерий принадлежности/непринадлежности к социалистическому миру отделяет чистых от нечистых»²⁵. При том, что в советском плутовском романе Ильфа и Петрова множество чужих, в Америке все путешественники то и дело встречают своих: это и Аптон Синклер, популярный в Советском Союзе, Линкольн Стеффенс, разочарованный в американской социальной системе, Рис Вильямс — друг Джона Рида, инженер Томсон, приветствующий советскую индустриализацию, и множество других.

Это социальное братство, возможность узнавания своего в чужом окружении важнее разницы культур и языков. Кстати, как замечает Карен Райан, обычно эти социальные «свои» в травелогах говорят на хорошем русском, так как их речь дана в переводе, в отличие от эмигрантов, использующих множество англицизмов²⁶. Идеальными оказываются проводники в «Одноэтажной Америке» Ильфа и Петрова — мистер и миссис Адамс (Троны): они одновременно являются своими в Америке — и социально своими для путешественников.

Поскольку бинарные оппозиции вызывают методологическое подозрение, у исследователя возникает законный вопрос: что в

²⁵ Щеглов Ю.К. Три фрагмента поэтики Ильфа и Петрова (мир социализма; образ Бендера; мифологизм романов) // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Мир автора и структура текста: Статьи о русской литературе. Тенафли: Эрмитаж, 1986. С. 86.

²⁶ Ryan, Karen. "Imagining America: Il'f and Petrov's 'Odnootazhnaia Amerika' and Ideological Alterity." *Canadian Slavonic Papers* XLIV: 3/4 (Sept-Dec, 2002): 263–277.

травелогах не исчерпывается противопоставлением своего и чужого, что «ничье»? Выясняется, что в американских текстах советских писателей такого не очень много, описываемая реальность тяготеет к тому или другому полюсу. Можно было бы предположить, что таков океан: он является пограничным пространством, путешествие по нему — пересечение границы при переходе в другой мир, этот процесс описывается в дореволюционных травелогах в экзистенциальных терминах, время и пространство теряют линейность и перетекают друг в друга. Герой повести Короленко «Без языка», крестьянин Матвей Лозинский, глядя в глубину океана, думает о себе и о Боге, о земле и о небе, о жизни и о смерти. В своих автобиографических очерках Короленко уделяет почти столько же внимания описанию океанского плавания — путешествия по грани жизни и смерти — сколько самой Америке. Но советские путешественники, описывая грандиозность океана, склоняются к социальной его интерпретации: Есенин находит старый мир Европы ничтожным «с точки зрения океана», а Маяковский, чувствуя себя в центре гигантской системы координат («Бегут /по бортам /водяные глыбы, /огромные, /как года, /Надо мною птицы, /подо мною рыбы, /а кругом — /вода»²⁷), узнает в океане с его «воднячим ревкомом» социально своего: «По шири, /по делу, /по крови, /по духу — /моей революции /старший брат»²⁸.

Самым чужим для путешественников в Америку часто является то, что вроде бы должно быть универсальным, общечеловеческим — или на первый взгляд кажется похожим, маскируется под свое, а на самом деле оказывается совершенно чужим. Так, еда в травелогах вообще часто описывается как чужое, экзотическое, но американская еда, при том, что внешне она выглядит как знакомая, кажется путешественникам безвкусной, она не насыщает — это еда иного, загробного мира, «того света».

Маяковский подробно описывает иерархию блюд и заведений общепита, которые могут себе позволить работающие американцы в соответствии со своей зарплатой, все по-своему непривлекательные — и сухой завтрак для самых бедных, который можно только грызть «с молодым усердием»; «огромный механический трактор» для более высокооплачиваемых; «серые блины с паточкой» в безличных белых кафе и, наконец, этнические рестораны для самых богатых, которые избегают американских заведений, «обеспечивающих катары мясом Армора, лежащим чуть ли не с войны за освобождение»²⁹. В том же духе, но более подробно и

²⁷ Маяковский В.В. Атлантический океан. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 12.

²⁸ Там же. С. 16.

²⁹ Маяковский В.В. Мое открытие Америки. Т. 7. С. 302–303.

менее категорично эти заведения описывают Ильф и Петров, которым даже удалось найти там подходящие для себя блюда. Однако характерно само название главы Ильфа и Петрова об американской кухне, кафе и пищевой промышленности в целом — «Аппетит уходит во время еды». Отчуждение у них вызывает даже сам хорошо организованный процесс еды в общепите, его автоматизм: «Идеальная чистота, доброкачественность продуктов, огромный выбор блюд, минимум времени, затрачиваемого на обед, — все это так. Но вот беда, — вся эта красиво приготовленная пища довольно безвкусна, как-то обесцвечена во вкусовом отношении. Она не опасна для желудка, может быть даже полезна, но она не доставляет человеку никакого удовольствия. Когда выбираешь себе в шкафу автомата или на прилавке кафетерии аппетитный кусок жаркого и потом ешь его за своим столиком, засунув шляпу под стул, чувствуешь себя, как покупатель ботинок, которые оказались более красивыми, чем прочными»³⁰. Путешественники «как поэтическое произведение» читают речь Микояна³¹ о том, что в социалистической стране еда должна доставлять радость. Поэтичность советской еды в восприятии Ильфа и Петрова напоминает иронически изображенные Олешей в романе «Зависть» (1927) мечты директора треста пищевой промышленности Андрея Петровича Бабичева, сформулированные рассказчиком Кавалеровым, — о курганах каши, океане шей и глетчере киселя³². Но именно массовое производство и приготовление еды, по мнению Ильфа и Петрова, приводит к ее безвкусоности. Ирония истории состоит в том, что вскоре после Ильфа и Петрова в Америку отправился сам Микоян, чтобы изучить достижения пищевой промышленности и, вдохновленный американским примером, начал внедрять некоторые из этих достижений. Советская пищевая индустрия, как и другие отрасли производства, заимствуя процесс организации у Америки, парадоксальным образом должна была избежать ее недостатков.

Максимально чужими для советских писателей оказываются развлечения американцев — парки аттракционов, залы игровых автоматов. Исходя из толстовского определения счастливой семьи, мы могли бы предположить, что счастье универсально и люди радуются схожим образом, а несчастны все по-своему. Но в американских травелогах все оказывается наоборот: если страдающему американцу русские путешественники готовы были бы

³⁰ Ильф И.А., Петров Е.П. Одноэтажная Америка. С. 41.

³¹ Нарком пищевой промышленности СССР в 1934–1938 гг.

³² Олеша Ю.К. Зависть // Олеша Ю.К. Ни дня без строчки. СПб.: Азбука, 2015. С. 11

сочувствовать, то ряды безучастных, напоминающих автоматы посетителей развлекательных заведений вызывают у них отвращение.

Стремление к удовольствию изображается как типическая черта американца, и при этом бессмысленные развлечения, поставленные на поток, оборачиваются своей противоположностью: очерк Горького о парке развлечений Кони-Айлэнд озаглавлен «Царство скуки». Этот парк — постоянное место паломничества советских путешественников и предмет обязательной критики. Маяковский называет его «идиотским карнавалом», предполагая, что именно таковой представляется нью-йоркским влюбленным счастливая жизнь. Апофеоз массовых развлечений в романе Пильняка — «учреждение массового, миллионного амюзмента» Кони-айлэнд: «...эти зрелища воют, свистят, громяют, разливаясь трелями от гармошки до сексафона джаза, в экстатическом наслаждении. Эти зрелища жгут прожекторами, ракетами, фейерверками, всеми электрическими цветами и темпами»³³. Отсутствие в Советском Союзе подобного феномена в данном случае оказывается предметом гордости: «Московский парк культуры и отдыха не сравним никак»³⁴.

Мир свободного карнавала в американских текстах вывернут наизнанку, он представляется мертвенным, механическим движением. Механистичность развлечений постоянно подчеркивается: «Щелканье несется из больших магазинов развлечений. Здесь стоят десятки механических бильярдных столов всех видов»³⁵. То, что должно объединять общей радостью, обнажает одиночество: «Американцы развлекаются тут часами, развлекаются одиноко, сосредоточенно, равнодушно, не сердясь и не восторгаясь»³⁶. Советский человек, привыкший к здоровым коллективным осмысленным развлечениям — самодеятельным танцам, экскурсиям, серьезным пьесам, где «разбираются актуальные вопросы» — как, например, героиня рассказа Ильфа и Петрова «Тоня» (1937 г.), страдает в Америке от невыносимой скуки и завидует своим друзьям, с нетерпением ожидая писем из дома. При этом даже домашнее хозяйство не может в достаточной степени занять ее, потому что благодаря рациональной американской организации повседневной жизни, на быт уходит слишком мало времени. Редкими светлыми моментами в тоскливой американской повседневности становятся праздники в советском посольстве.

³³ Пильняк Б.А. О'кэй // Пильняк Б.А. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1976. С. 463.

³⁴ Там же. С. 462.

³⁵ Ильф И.А., Петров Е.П. Одноэтажная Америка. С. 49.

³⁶ Там же. С. 49.

Особенно невыносимо советскому путешественнику за границей видеть в другом собственное отражение: пьянство, которое традиционно считается стереотипной русской чертой, наблюдаемое в американцах, приобретает раблезианский масштаб: «Размах действительно получается грандиозный. Пьют грандиозно не только в салонах, но на всех лестницах и палубах, залезая для поэзии иной раз под вельботы. Пьют, не разбираясь ни полом, ни возрастом [...] С российским пьянством этот американский размах во всепалубном масштабе сравнить возможно разве лишь в ломовом порядке»³⁷.

Очень важный аспект чужого — это язык. Никто из знаменитых русских писателей, путешествовавших в Америку — от Короленко до Пильняка и Ильфа и Петрова — не владел английским: все воспринимали страну сквозь призму перевода. В этом смысле название повести Короленко «Без языка» оказывается символичным. Характерное восприятие незнакомого английского языка русскими путешественниками мы видим еще в раннем очерке Владимира Тана-Богораза «Черный студент»: «Иные лица и фигуры до странности напоминали сибиряков из-под какого-нибудь Барнаула или Нижнеудинска. Те же широкие, неуклюжие спины, лохматые волосы, нос картошкой, круглые серые глаза. Несколько раз мне положительно казалось, что я вижу старых знакомых: Ивана Тридцати Восьми Лет, Ваську Сохатова или Алексея Пушных. С иными я был готов заговорить на моём родном наречии, но они перекашивали рот и вместо широкой и сочной русской речи испускали глухие и неопределённые англосаксонские звуки, похожие на скрип испорченной шарманки; и я умолкал и проходил мимо»³⁸. Свою немоту на иностранном языке советские писатели часто обращают в ироническое раздражение против языка и говорящих на нем. Так, Горький упрекает английский в нерациональности — несмотря на общую рациональность его носителей, а Маяковский называет американцев «скупословными», очевидно проецируя на них ограниченность собственного понимания. В очерке «Как я ее рассмешил», описывая свои мучения из-за неспособности объясниться по-английски, он живо рисует картину риторических пыток, которым подверг бы собеседников, если бы только они владели русским, обеспечивающим писателю власть над ними: «...я мог бы, не портя манишек, прибить их языком к крестам их собственных подтяжек, я поворачивал бы

³⁷ Пильняк Б.А. О'кэй. С. 447.

³⁸ Тан-Богораз В.Г. Черный студент // Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. Воскресшее племя. Иркутск: Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1987. С. 539.

на вертеле языка их насекомую коллекцию»³⁹. Интересно, что поэт мечтает не о том, чтобы овладеть чужим языком, но о том, чтобы сделать американцев уязвимыми для оружия, которым он владеет в совершенстве. В стихотворении, построенном на приемах макаронической речи — «Барышня и Вульворт», поэт обращается по-русски с революционной проповедью к девушке, сидящей в витрине магазина, она же по губам читает его речь, принимая ее за английскую. То, что по-русски является призывом к революционному насилию, по-английски «читается» как сентиментальное любовное признание. По-английски поэт не может выразить свою мысль о необходимости социального переустройства, и эта беспомощность переносится на неспособность английского языка передать революционный смысл. Как и в очерке, русский язык изображается как средство насилия, для которого американцы, к сожалению автора, неуязвимы: «Как врезать ей /в голову /мыслиножи, /что русским известно другое средство, /как влезть рабочим /во все этажи /без грез, /без свадеб, /без жданий наследства»⁴⁰.

Но что же американское не может быть найдено в Америке? Откуда эта постоянная неудовлетворенность путешественников недостаточной «американистостью» Америки?

Русские авторы американских текстов проецировали на Америку идеальный образ общества, которое они хотели бы построить в России, а затем критиковали неспособность реальной Америки дотянуться до этого воображаемого образа⁴¹. В Америке они не видят, чтобы формы, которые им нравятся, были наполнены содержанием: вместо свободы они находят Статую Свободы; достижения американской технологии, не поддержанные социальным прогрессом, кажутся путешественникам фикцией, случайностью.

Идеальная Россия будущего именно и станет подлинной Америкой, в которой, наконец, соединятся подлинная свобода, справедливость, демократические социальные институты и технический прогресс.

Этот мотив является сквозным в американском тексте — в двадцатом и двадцать первом веке. Бродский, который находит

³⁹ Маяковский В.В. Как я ее рассмешил. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 361.

⁴⁰ Маяковский В.В. Барышня и Вульворт. Т. 7. С. 65.

⁴¹ О том, что реальная Америка не могла победить в соревновании с идеальной, существующей в представлении «славянофилов и Достоевского, марксистов и Короленко» писал Ханс Роггер, изучая сложившееся к XX веку восприятие Америки российскими интеллектуалами. Rogger, Hans. "America Enters the Twentieth Century." *The View from Russia, Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert*, ed. Inge Auerbach et al. Freiburg: Rombach, 1985: 160–177.

себе место в реальной Америке и для кого идеальная Америка включает «американскую поэзию и дух американских законов», откликается почти через пятьдесят лет: «...мое поколение, группа людей, с которыми я был близок, когда нам было двадцать, мы все были индивидуалистами. Нашим идеалом в этом смысле были США — именно из-за духа индивидуализма. Вот почему, когда некоторые из нас оказались здесь, у нас было ощущение, что мы прибыли домой: мы оказались больше американцами, чем местные»⁴². Похожий пафос отражен в фильме Валерия Тодоровского «Стиляги» (2008): когда Фрэд, лидер стиляг возвращается из Америки, он объясняет Мэлсу, что в Америке нет стиляг, что образ свободы самовыражения, который ассоциируется с Америкой, существует только в русском сознании. Мэлс отталкивает его, не желая верить, и мы видим финальное шествие нон-конформистов разных стран и эпох, русских и американских, еще одно подтверждение, что воображаемая Америка и идеальная Россия — в сущности одно и то же.

ЛИТЕРАТУРА

- Американизация губошлепов // Крокодил. 1923. 21 января, № 3. С. 539.
- Арустамова А.А.* Русско-американский диалог XIX века: историко-литературный аспект. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008.
- Бродский И.А.* Большая книга интервью. Сост. В.П. Полухина. М.: Захаров, 2000.
- Есенин С.А.* Железный Миргород // *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 5. Проза. 1997. С. 161–172.
- Ильф И.А., Петров Е.П.* Одноэтажная Америка. Письма из Америки / сост., вступ. ст. Ильф А.И. М.: Текст, 2007.
- Катанян В.А.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М.: Советский писатель, 1985.
- Лотман Ю.М.* Символические пространства // *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — Текст — Семиосфера — История. М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 239–248.
- Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961.
- Меерсон О.А.* «Свободная вещь»: Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Oakland: Berkley Slavic Specialties. 1997.
- Олеша Ю.К.* Зависть // *Олеша Ю.К.* Ни дня без строчки. СПб.: Азбука, 2015. С. 5–108.
- Пильняк Б.А.* О'кэй // *Пильняк Б.А.* Избранные произведения. М.: Худож. лит-ра, 1976. С. 443–675.
- Тан-Богораз В.Г.* Черный студент // *Тан-Богораз В.Г.* Восемь племен. Воскресшее племя. Иркутск: Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1987. С. 538–535.
- Шведов С.* Образ Генри Форда в советской публицистике 1920–1930-х годов:

⁴² *Бродский И.А.* Большая книга интервью / сост. В.П. Полухина. М.: Захаров, 2000. С. 665.

восприятие и трансформация ценностей чужой культуры // Взаимодействие культур СССР и США XVIII–XX вв. / ред. О.Е. Туганова. М.: Наука, 1987. С. 133–143.

Шпотов Б.М. Болезни роста или “синдром кнопки”: как приживались в СССР американские промышленные технологии в годы первой пятилетки // Русское открытие Америки: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Н.Н. Болховитинова / ред. А.О. Чубарьян и др. М.: РОССПЭН, 2002. С. 319–327.

Эткинд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Ball, Alan M. *Imagining America. Influence and Images in Twentieth-Century Russia*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003.

Brooks, Jeffrey. “The Press and its Message. Images of America in the 1920s and 1930s.” Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinowitch, Richard Stites, eds. *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1991: 231–252.

Rogger, Hans. “America Enters the Twentieth Century.” *The View from Russia, Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert*, eds. Inge Auerbach et al. Freiburg: Rombach, 1985: 160–177.

Rougle, Charles. *Three Russians Consider America: America in the Works of Maxim Gor’kij, Alexandr Blok, and Vladimir Majakovskij*. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1976.

Ryan, Karen. “Imagining America: Il’f and Petrov’s ‘Odnootazhnaia Amerika’ and Ideological Alterity.” *Canadian Slavonic Papers*: XLIV: 3–4 (Sept–Dec 2002): 263–277.

REFERENCES

“Amerikanizatsiia guboshlepov.” *Krokodil*: 3 (Jan. 21, 1923): 539.

Arustamova A.A. *Russko-amerikanskii dialog XIX veka: istoriko-literaturnyi aspekt*. Perm’: Perm. gos. un-t publ., 2008.

Ball, Alan M. *Imagining America. Influence and Images in Twentieth-Century Russia*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003.

Brodskii I.A. *Bol’shaia kniiga interv’iu*, comp. V.P. Polukhina. Moscow: Zakharov publ., 2000.

Brooks, Jeffrey. “The Press and its Message. Images of America in the 1920s and 1930s.” Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinowitch, Richard Stites, eds. *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1991: 231–252.

Esenin S.A. “Zheleznyi Mirgorod.” Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: 7 vols*. Moscow: Nauka publ.; Golos publ., 1995–2002, vol. 5 “Proza”, 1997: 161–172.

Etkind A.M. *Tolkovanie puteshestvii. Rossiia i Amerika v travelogakh i intertekstakh*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2001.

Il’f I.A., Petrov E.P. *Odnootazhnaia Amerika. Pis'ma iz Ameriki*, ed., introd. A.I. Il’f. Moscow: Tekst publ., 2007.

Katanian V.A. *Maiakovskii. Khronika zhizni i deiatel'nosti*. Moscow: Sovet. Pisatel’ publ., 1985.

Lotman Yu.M. “Simvolicheskie prostranstva.” Lotman Iu.M. *Vnutri myslishchikh mirov. Chelovek — Tekst — Semiosfera — Istoriiia*. Moscow: «Iazyki russkoi kul'tury» publ., 1996: 239–248.

Maiakovskii V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: 13 vols*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. publ., 1955–1961.

Meerson O.A. “Svobodnaia veshch’”: *Poetika neostraneniia u Andreia Platonova*. Oakland: Berkley Slavic Specialties. 1997.

Olesha Yu.K. "Zavist'." Olesha Yu.K. *Ni dnia bez strochki*. St.-Petersburg: Azbuka publ., 2015: 5–108.

Pil'niak B.A. "O'kei." Pil'niak B.A. *Izbrannye proizvedeniia*. Moscow: Khudozh. literatura publ., 1976: 443–675.

Rogger, Hans. "America Enters the Twentieth Century." *The View from Russia, Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert*, eds. Inge Auerbach et al. Freiburg: Rombach, 1985: 160–177.

Rougle, Charles. *Three Russians Consider America: America in the Works of Maxsim Gor'kij, Alexandr Blok, and Vladimir Majakovskij*. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1976.

Ryan, Karen. "Imagining America: Il'f and Petrov's 'Oдноetazhnaia Amerika' and Ideological Alterity." *Canadian Slavonic Papers*: XLIV: 3–4 (Sept–Dec 2002): 263–277.

Shvedov S. "Obraz Genri Forda v sovetskoj publitsistike 1920–1930-kh godov: vospriiatie i transformatsiia tsennosti chuzhoi kul'tury." *Vzaimodeistvie kul'tur SSSR i SShA XVIII–XX vv*, ed. O.E. Tuganova. Moscow: Nauka publ., 1987: 133–143.

Shpotov B.M. "Bolezni rosta ili 'sindrom knopki': kak prizhivalis' v SSSR amerikanskie promyshlennye tekhnologii v gody pervoi piatiletki." *Russkoe otkrytie Ameriki: Sb. statei, posviashchennyi 70-letiiu akad. N.N. Bolkhovitinova*, eds. A.O. Chubar'ian et al. Moscow: ROSSPEN publ., 2002: 319–327.

Tan-Bogoraz V.G. "Chernyi student." Tan-Bogoraz V.G. *Vosem' plemen. Voskreshee plemia*. Irkutsk: Vost.-Sib. knizhn. izd-vo publ., 1987: 538–535.